

Жизнь и необычайные приключения писателя Войновича

(рассказанные им самим)

Глава пятьдесят восьмая И-их, паря!..

«Зачем нам две шоферские гибели?»

В понедельник, в сентябре 60-го, явившись в назначенное время в отдел прозы «Нового мира», где осталась рукопись моей повести «Мы здесь живем»; я застал там, кроме Аси (тогда еще для меня Анны Самойловны) Берзер, много людей и удивился, когда узнал, что все они собрались из-за меня. Сотрудники других отделов и члены редколлегии уже прочли мою повесть и теперь жали мне руку, улыбались, наперебой говорили комплименты, интересовались, откуда я взялся, что делают родители, где я учился, кем работал и что пишу еще. Тут же был мне представлен Игорь Александрович Сац – мой персональный редактор. Этот человек, совершенно седой и не имевший ни единого зуба, показался мне глубоким стариком, а было ему пятьдесят восемь.

Стали обсуждать, в какой номер поставить мою повесть: «В двенадцатый? Нет, пожалуй, не успеем... Придется поставить в первый». Если бы я сказал, что ждать не желаю, они согласились бы на двенадцатый, но мне самому захотелось быть напечатанным в первом номере: конечно, трудно ждать лишний месяц, зато это будет первый номер первого года нового десятилетия. Потом наше поколение назовут «шестидесятниками» (первым, кто это сделал, был, если не ошибаюсь, Станислав Рассадин, проведший параллель между нами и разночинной молодежью 60-х годов XIX века). Мне звание «шестидесятника» подходит больше, чем кому бы то ни было: с наступлением 60-х годов я в них вошел как писатель.

Решив вопрос с номером журнала, вторую половину разговора сотрудники редакции осторожно предварили союзом «но». «Но... как бы это вам сказать... есть некоторые сомнения насчет конца повести... Ваш герой погибает... но это... поймите нас правильно... совершенно не нужно».

Как это не нужно?! Гибель героя была тем, ради чего строился весь сюжет – и вдруг это не нужно?! Я растерялся: как себя вести? Уперевшись, сказать, что ни в какую – и отказаться от того, к чему так долго стремился? Вернуться к роли неудачника в потертых штанах и сбитых ботинках, прогоняемого из всех редакций? Я сказал: «Нет, без гибели героя обойтись нельзя». – «Почему же нельзя? Разве вы сами не чувствуете, что эта гибель, извините, притянута за уши? Герой погибает совершенно бессмысленно». – «Да, бессмысленно, но в этом и смысл, что бессмысленно...»

Я долго хранил страницы, не вошедшие в печатную версию повести, а потом все-таки потерял и потому пересказываю своими словами. Выжившая из ума старуха решила поддержать гаснущее в лампадке пламя и, не найдя масла, плеснула бензину из канистры. Дом вспыхнул. Сбежался народ, подъехали пожарные, качают воду из колодца, вода, не доходя до brandспойта, вытекает в прореху рваного шланга. Вдруг дочь старухи вспомнила, что оставила в доме свою трехлетнюю дочку. Она рвется в огонь, ее не пускают, в огонь бросается герой повести Гошка. Не успел он скрыться внутри, выясняется, что девочка здесь, мать, обезумев от ужаса, об этом забыла. И в это время рухнула крыша, над домом столбом поднялись искры и, уйдя в небо, смешались со звездами».

Этой заключительной фразой про звезды я дорожил больше всего, а мне теперь говорили: «Это не нужно, эта гибель притянута за уши...» и даже: «Это типичная комсомольская гибель». Я не переставал удивляться. Как это комсомольская?! Разве комсомольская – плохо?! Я-то боялся, что повесть не пропустят именно потому, что она вовсе не комсомольская. Комсомольской она была бы, если бы Гошка спас девочку и потом получил бы за это орден, а он погиб, никого не спасши, и ордена, даже посмертно, не получил. Тогда мне привели еще один довод: на шестой номер запланирована публикация повести другого начинающего прозаика, Георгия Владимова. Там герой тоже шофер и, как ни странно, тоже гибнет. «Куда же нам подряд две шоферские гибели? Я не знал, что на это возразить, хотя в этой новости самолюбию моему был приготовлен еще один пряник: повесть, по-

ГЕНАДИЙ НОВИЦОВ

лученная «Новым миром» задолго до моей, запланирована в июньский номер, а моя идет вне очереди, в первом...

Я сказал, что подумаю, и мы с Сацем вышли в коридор покурить. Закурили: он сигареты «Памир», я – «Ароматные», и вдруг в коридоре появилась величественная фигура – Твардовский.

– Александр Трифонович, вот познакомьтесь. Владимир Войнович.

Сац уже знал, что мою фамилию следует произносить с ударением на первом слого.

Твардовский остановился.

– Очень хорошо.

Из этого мне стало ясно, что и он повесть прочел, и ему она понравилась. Но руки мне Твардовский не подал и дальнейший разговор повел словно через переводчика:

– А вы уже сказали ему, что смерть в конце повести не нужна?

– Да-да, конечно.

– И он согласился?

– Согласился, согласился, – поспешно закивал Сац.

– Ну, хорошо, тогда работайте.

Твардовский пошел дальше, в свой кабинет, а я стоял растерянный, ругая себя за то, что так просто, без боя сдался.

Денежный дождь

Напомню, что в то время я жил с женой, дочерью и тещей в коммунальной квартире, где было 25 комнат, одна из них моя, и мне казалось, что о лучшем уже и мечтать не обязательно. С соседями у меня конфликтов не было, не считая живой напротив бывшей водительницы трамвая (тогда их называли вагоновожатыми) Полины Степановны. Сколько я помню, она сидела всегда перед моей дверью и перебирала – пушинку к пушинке – пух для подушки. В это время я, лежа на животе, писал. Когда жена моя входила или выходила из комнаты, Полина Степановна успевала взглядом охватить обстановку и потом на кухне делилась своими наблюдениями:

– Говорят, у их денег нет. А откуда ж у их будут деньги, если этот все лежит и лежит. Большой, что ли?..

Моя жена жаловалась, что клопы жителя не дают. Полина Степановна и это прокомменти-ровала:

– Клопы, говорит, замучили. И откуда у их клопы? Это у mine клопы, у mine ж мебель!

Услышав, что я устроился на работу, старуха этот факт оценила скептически:

– Нет, этот долго работать не будет. Лежать-то лучше...

Вопреки ее предсказаниям, я не только ходил на работу, но и заработки мои вдруг возросли до пределов еще недавно не представимых.

Моя теща Марья Ивановна Болтушкина, деревенская малограмотная женщина, никак не могла понять, что хорошего нахожу я в таком бессмысленном занятии, как писание каких-то слов на бумаге. Она считала, что работать плотником или хотя бы, как ее муж, сторожем, не

Жена и теща, увидев на столе сказочное изобилие, выразили недовольство, что я трачу на такую ерунду последние деньги.

Я воскликнул:

– А это не последние!

Сорвав газету с денег, подбросил их к потолку – и червонцы щедрым дождем посыпались на пол, на стол и в колыбельку.

только выгоднее материально, но и полезнее для здоровья.

– И-их, паря! – недоумевала она. – Зачем же тебе головку-то ломать? Она ж у тебя одна.

Причудливым было и ее представление о том, с кем я являюсь. Услышав однажды по радио сообщение о том, что в нашу страну прибывает с визитом премьер-министр Великобритании сэр Гарольд Макмиллан, она спросила:

– Это твой Камиллан? – имея в виду моего друга Камилла Икрамова.

В том счастливом для меня сентябре 1960-го был день, когда я получил одновременно месячную зарплату, гонорар за песню и аванс в «Новом мире» – 10 тысяч рублей. Таких денег я в жизни своей не только не держал в руках, но и не видел. По дороге домой купил бутылку шампанского, колбасу, сыр, банку красной икры, банку черной. Зайдя в комнату, где полторагодовалая Марина спала в колыбели у окна, я разложил на столе снедь, распечатал пачки с деньгами, сложил в кучку и прикрыл газетой. Пригласил жену и тещу к столу. Они, увидев на столе такое изобилие, выразили недовольство, что я трачу на такую ерунду последние деньги. Я возразил:

– А это не последние!

Сорвав газету с денег, я подбросил их к потолку – и червонцы щедрым красным дождем посыпались на пол, на стол и в колыбельку.

Обе женщины потеряли дар речи, потом теща воскликнула:

– И-их, паря!

И вдвоем они поползли по полу, собирая купюры.

Полина Степановна рост моего благополучия тоже заметила и, обращаясь к своей кухонной аудитории, удивлялась:

– Интересно, как люди исхитряются на одну зарплату столько покупать. Себе пальто купил, жене пальто купил, вчера телевизор пронес, как сундук...

А когда я поставил в коридоре смазанный та-вотом мотоцикл, Полина Степановна замолчала, поняв, что клопам теперь и у меня будет вольготно.

На пыльных тропинках

Мою песню о космонавтах по несколько раз в день передавали по радио, пели в ресторанах и в пьяных компаниях, когда мне позвонила незнакомая сотрудница музыкальной редакции.

– Владимир Николаевич, у вас есть очень хорошая песня. Мы хотим записать ее на пластинку.

– Очень хорошо, – сказал я. – Давно пора.

– Но у нас к тексту есть одна претензия. Там у вас написано: «На пыльных тропинках далеких планет». Почему эти тропинки пыльные?

– Видите ли, – взялся я объяснить. – На этих планетах дворников нет, а пыль космическая оседает.

– Ну да... Может быть, оно и так, но вы как-то этим снижаете романтический образ. Давайте лучше напишем «на новых тропинках».

– Нет, – возразил я. – Это никак не годится. «На новых» можно написать, если имеется в виду, что там еще были старые.

– Хорошо, тогда напишите «на первых тропинках».

– Не напишу я «на первых тропинках».

– Почему?

– Потому что на пыльных тропинках – это хорошо, а на первых – это никак... Я отказался менять текст, музыкальная редакция отказалась издавать пластинку. Но летом 1962 года мою песню дуэтом спели в космосе космонавты Николаев и Попович. Хрущев устроил им грандиозную встречу и, размахивая руками, прочитал с выражением с трибуны Мавзолея:

– На пыльных тропинках далеких планет останутся... Он запнулся, подумал и исправил ударение: – Останутся наши следы!

Вокруг песни и ее авторов начался ажиотаж. «Правда» напечатала текст в двух номерах подряд. Сначала красным шрифтом в вечернем экстренном выпуске, затем черным шрифтом в будничном утреннем номере.

И сразу мне позвонила дама из музыкальной редакции:

– Владимир Николаевич, мы немедленно выпускаем вашу пластинку!

– Что значит немедленно? – сказал я. – А вы спросили разрешения у автора?

– А вы можете не разрешить?

– Нет, почему же. Я разрешаю, но у меня есть поправка.

– Какая поправка? – спросила дама настоятельно.

– Небольшая, – сказал я. – Там есть строчки насчет пыльных тропинок, так я бы хотел их как-нибудь переделать.

– Вы смеетесь! – закричала она. – Вы знаете, кто цитировал эти строки?

– Я знаю, кто цитировал. Но я также знаю, кто написал. Так вот, мне кажется...

Конечно, я над ней издевался. Но, поиздевавшись, разрешение дал.

Продолжение следует